

Владимир МАКАРЕНКОВ

Из стихотворений, написанных ЖАННЕ.

* * *

Небо над соснами — женского рода.
Озеро — без берегов.
Тянет корнями живая природа
Влагу из прошлых веков.

Выйду из леса на поле ржаное,
Взгляд потеряю вдали,
Слушая звуки полднего зноя —
Лучшие скрипки земли.

Даже в такие минуты со мною
Образ изысканный твой.
Солнышко с небом, небо с землёю, —
Так неразлучен с тобой.

Если бы осени жаркое лето
Не уступало своё!
Ты, сосны, озеро, ты, поле, небо —
Тихое счастье моё.

* * *

Звонки трамваев будят город,
Захлёстывая голос птиц.
Мир утром надвое расколот
Раскрытием слипшихся ресниц.

Мир первый виден понарошку
И слышен, как издалика.
Но, проявляясь понемножку,
В окошко входят облака.

И между поднятым народом
Проводят родственную связь —
Их видят все, кто по заботам
Из дома вышел в этот час.

Кто вынес в шумный мир, как спички,
Свои дрожайшие мирки
И отпирает по привычке
Его запоры и замки.

Но знаю я, что, если встану,
В окошко сунусь с головой,
Его руками не достану,
А потревожу мир второй.

Что вылутился из скорлупки
Вневременного бытия,
Трепещущий от жизни, хрупкий,
В котором вечны ты и я.

Что отражён во взгляде миллом,
Запеленованном слегка.
Мир тот, что с грозным внешним миром
Связуют только облака.

В доме тихо, в доме пусто.
Грусть в узорах на ковре.
Без тебя всегда мне грустно,
Как собаке в конуре.

Я в окно смотрю тоскливо,
А на волю не сбегу.
Я волшебное огниво
Нашей встречи стерегу.

Ты жена мне, не невеста.
Но годам всем вопреки,
Как ударит дверь подъезда,
Я уж слушаю шаги.

Звук их знаю, а в итоге
Неожиданно всегда
Возникаешь на пороге
Ты, как в сумерках звезда.

И готов я встать на лапки,
И в глазах ищу вопрос,
И несусь поспешно тапки,
Как послушный верный пёс.

Возле леса, возле озера,
Чище летнего дождя,
Там, где небо – как молозиво,
А природа – как дитя,
По кирпичику, по досточке,
Мастерком да молотком
До последней самой полочки
Я построил дачный дом.
Пахнет соснами и клевером.
Обдувает ветерком.
По-соседски с каждым деревом
В ближней роще я знаком.
Губы вымазаны ягодой.

Горкой сложены грибы.
И ко мне под райской радугой
Ты выходишь из воды.

В морозный день ты снимешь рукавицы,
Подставишь снегу жаркую ладонь,
И полетят небесные крупы
На нежный, но губительный огонь.

Жизнь отыграет все свои страшилки,
И старость глупо скажет: «C'est la vie!».
А я хочу с любимой, как снежинки,
Растаять на ладони у любви.

Посмотри в окошко,
В косах звёзд видна
Слюдяная брошка –
Зимняя луна.

Как она сияет,
Будто бы горит!
Будто понимает,
Что душа болит.

Мало сердцу, мало
Нежности, тепла,
Подарила мама.
Жизнь отобрала.

Мне их дарят снова
Твой лучистый взгляд,
Ласковое слово,
Слово невпопад,

Слово-откровенье
Радостей и мук,
И прикосновенье
Белых лёгких рук.

Спи, моя красавица!
Спи, моя душа!
Долго ночь тянется,
Звёздами дрожа.

Пусть тебе приснится
Пышный Новый год,
Терем и светлица,
Детский хоровод.

Чтоб под маской зайчика,
Смеха не тая,
Ты узнала мальчика.
Мальчик этот – я.

Не смотри, что в жизни
Грозный я такой.
И дела и мысли
Двигаю рукой.

День и ночь в работе.
Только для тебя –
Будто бы в полёте
Потерялся я.

За твоей заботой,
Лаской, добротой
В нашей жизни вот он
Я – ребёнок твой.

Каштаны падают, как майские жуки.
И солнышко приветливо так нежно.
И нет ещё осенней шелухи –
Листвы, летящей наземь безмятежно.

Но мы с тобой уже осознаём,
Что бабье лето – только утешенье.
Необратим свершившийся излом
Времён неотвратимого движенья.

И всё же мы об этом промолчим,
Переча подсознательно природе.
Ну, что с того, что возраст так горчит,
Что жизнь без промедления проходит!

Зачем нам возвращение назад –
Немая встреча с юными годами?
Так вызревает яблоневый сад,
На землю сыпя зрелыми плодами.

Сказать нежданно нежные слова
Любимой и подумать осторожно,
Что жизнь непредсказуемо права
В желаниях, что счастье в ней возможно.

Простое счастье – быть самим собой.
Жить по душе, в миру – неопалимой.
И слыша вечность, как морской прибой,
Принадлежать единственной любимой.

Милое сердцу и дорогое –
Только любимой, ромашкой во ржи.
Думай одно, говори другое.
Искреннего никому не скажи.

Если бы только так всё и было.
Необратимо теченьем строки.
Разве меня бы ты полюбила?
Разве тогда бы писались стихи?

В помыслах, чувствах зреет благое.
Твой я, родимая, и не совсем.
Милое сердцу и дорогое
Прежде тебе, но и всё-таки всем.

Улыбнёшься – и радостно мне,
и светло, и легко,
зажигается будущность
праздничной ёлкой.
Я с тобой разделил наравне
жажду жить, далеко
заглянул, руша будничность
радостью долгой.

А печалишься ты – грусть и боль
гложут сердце моё,
блекнут мысли, плывущие
в сумерках взгляда.
И мрачнеет земная юдоль,
как и всё бытие,
и мертвеет грядущее,
с прошлым не ладя.

Всё, чем сердце обрадует мир –
это ты, только ты.
Остальное – обыденность,
жизненный морок.
Я кривую судьбы распрямил
до твоей долготы,
широты,
веря в искренность
без оговорок.

Легко ли быть листе листвою,
Когда то зной, то мир завьюжен?
Легко ли быть самим собой,
Когда другим такой не нужен?

Любимая, прошу, позволь
Собой мне быть с тобою рядом.
Прими излом души и боль
Её убавь согласным взглядом.

Пусть кто-то бросит на бегу:
«Чудак, погрязший в заморочках!..»
Но ты-то знаешь, я не лгу
Ни словом в выстраданных строчках.

Стихами видя далеко,
Я заглянул за полог света:
Да, быть поэтом нелегко,
Труднее быть женой поэта.

СИРЕНЬ

Я для тебя срывал сирень в букет,
Как факелы зелёной эстафеты,
На финише весны и старте лета,
Всё ярче распалюющего свет.

И вспоминал, как рвал сирень отец,
Любуясь каждой сорванной веткой,
И складывал в букет любви заветной
Для матери, а я смотрел, юнец.

Родителей уж нет, но всякий раз
На финише весны и старте лета
Мне не найти прекраснее букета
Сирени, что теперь цветёт для нас.

СОТОВЫЙ ТЕЛЕФОН

Ты говоришь: «Привет!..» – и в трубку дышишь.
Как неуёмно сердце! Слушай! Слышишь?
Объял твой голос необъятный мир
И звёздный путь мне на день проторил.

Найдусь в толпе и шуме городском
Пробившимся мелодией звонком.
А укачу в грибной дремучий лес,
Аукнешься из дома, как с небес.

В разлуке рядом! Я с твоим приветом
Преображаюсь молодильным светом.
Ладонь сжимает нежно телефон.
Любимая, целую в микрофон!..

Не нужно мне ни жалости пустой,
Ни общего дежурного участия,
Давно я понял истину, что счастье
В одном лишь: неразлучно быть с тобой.

Молитвенно прошу, родная, будь
Мне солнышком моим неугасимым,
Мир делаю и добрым, и красивым!..
И за земным пределом не забудь.

РОМАНС

От мира земного мне надо немного:
Творящего слова извечного Бога.
Но больше всего, как дыханье, мне надо
Сиянье родного счастливого взгляда.

Я вынесу стойко все горные грозы,
Но сердце не выдержит женские слёзы.
Не стоят все муки судьбы одержимой
Одной драгоценной слезинки любимой.

А годы, излившись, уносятся слепо,
Яснее становится вышнее небо.
Господь наш, когда я на суд твой прибуду,
Даруй повторение женского чуда.

СОЛНЕЧНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Слушай! Слышишь – колокольцы?..
Это мартовское солнце!
По весне и свет звенит.
Заливает свет округу
И возносит жизнь по кругу
Прямо в солнечный зенит.

Вот везенье, вот веселье!
Звонко льётся свет весенний,
Брызжет радужно в меня.
И сияющий прохожий,
На искристый сноп похожий,
Ошарашен мощью дня.

Я лечу лучом к любимой,
К той, которую так зримо –
Просто солнечно – люблю.
Озарю её приветом
И весенним звонким светом
Из ушата оболью!

Милая, любимая моя,
Сына потеряв, мы поседели,
Будто перед миром нас раздели.
Только старость не приемлю я.

И тебя нисколько не корю
За морщинки на лице; для мамы –
Это пустяки; страшнее шрамы,
Те, что сердце губят на корню.

Сколько раз бывал я виноват
В непростительно нелепых ссорах,
В произнесённых разговорах,
Тех, когда глазами говорят.

Злился, доводя тебя до слёз,
А потом, раскаиваясь, думал:
«Что за ошалелый ветер дунул,
В душу чёрный наговор занёс?»

Милая, любимая моя!
Без конца твержу, как на пожаре:
Ты на всём горящем синим шаре –
Самая – моя – любимая!

Голубок воркует над голубкой,
Словно совершает наговор.
Ходит кругом, налетает грудкой,
Расправляет крылья, как танцор.

Вертит распушённую головкой,
Приподнявшись в полный птичий рост.
А голубка, будто ей неловко,
То опустит, то поднимет хвост.

Милая, а разве мы не птицы,
Улетающие в райский сад?
Помнишь, как досталось пожениться
Тридцать долгих лет тому назад?

Не забыло сердце, не забыло
Ток любовный и приливы сил.
Если неосознанно любило,
Значит, одарило счастьем мир.

Говорю по чувствам, от рассудка
Спрятав указующий клубок:
Ты моя весенняя голубка,
Я твой сизокрылый голубок.

Разыграна классическая сцена:
На ватных ветках снегири – хурмой.
Снег... под ногой – податливый, как пена...
Свисает с крыш тяжёлой бахромой.

И сердце, внемля холи ветру,
Печуркой запылав, заводит кровь
И принимает радостно на веру
Надежду на последнюю любовь.

Последнюю... как первую, на душу
Наславшую воспоминаний дым,
Такую, чтобы жизненную стужу
Согрела жарким именем твоим.

Господь поведал, дьявол совратил.
И повторил я все грехи Адама.
Тебя мужскою сутью полюбил
И наделил вселенским словом «мама».

Ты, как сирень цветущая, свежа.
Но вот ведь странность, стало мне виднее:
Да, ты красива, но твоя душа
Всего, что знаю в мире я, добрее.

Покорно я судьбу благодарю,
Что страсть телес стихает понемногу,
За то, что я по-новому люблю
И стал с тобой намного ближе к Богу.

ВЕНЧАНИЕ В ОВСТУГЕ

Туман и зябкий ветер во дворе
Не обещали ясную погоду.
Но чудно выпадают в октябре
Деньки благому солнышку в угоду.

Сияло так, как будто бы часы
Природы сбились в солнечном загуле,
И жало заблудившейся осы
Их стрелки пригвоздило на июле.

Благой денёк нам выпал на Покров!
Улавливалось тайное звучанье
Невидимых живых колоколов,
Благословлявших позднее венчанье.

Светились для меня твои глаза,
Как в космосе Земля для космонавта.

И приняли в объятия Небеса,
Открылось нам неведомое завтра.

Из церкви вышли в образах людей,
И солнце нас повторно обвенчало.
Мы отразились в паре лебедей,
Шагающих к усадьбе величаво.

Смеялись добрым шуткам и у ног
Поэта легкокрыло обнимались.
Один лишь он был недвижимо строг,
Когда для фотографии снимались.

Вдруг вспомнилось: «...коснётся ль благодать
Моей души болезненно-греховной...»
И захотелось вновь тебя обнять
Под дуновенье нежности духовной.

Я думал, Тютчев в парке сквозь века
Не может наглядеться на усадьбу.
А он глядит нам в души;
Как река
на облака,
Как Бог, на нашу свадьбу.

День наполнен снежным светом.
Отражает солнце снег.
Грусть под ангельским запретом.
Улыбайся, человек!

Улыбайся всем прохожим,
Голубям и воробью.
Настроением погожим
Вздуродражь свою семью.

Дорогая, улыбайся!
По лицу – фотонный град.
Утром тихо разорвался
В небе солнечный снаряд.

В снежных залежах снежинки
Электричеством искрят.
И в твоих глазах смешинки
Голубым огнём горят.

Как под током сердце бьётся.
Миг – и вечность отворю.
Я тебя, как снег и солнце,
До бескрайности люблю.

ВОЛШЕБНИЦА-ВЕСНА

В тебе одной, как лепестки в ромашке,
Все женщины в соцветье прилегли.
И потому родился я в рубашке,
Что ты моя, как небо у земли.

Ты, как волна весеннего призыва,
Живой водой любви напоена.
Тобою для меня земля красива,
Навек моя волшебница-Весна.

С тобой я не искал другой подруги,
Приняв к цветенью долготу призыв.
И если в жизни вдруг случались вьюги,
Я пережил их, сердцем не остыв.

И тем ещё ты ближе и дороже,
Тем всех иных родных всего родней,
Что избежал с тобою бездорожья,
Что воспитал с тобою сыновей.

В слепых порывах чувств судьба нелепа.
В осмысленных – возвышенно красна.
Мне подарила райский ключ от Неба
Любимая волшебница-Весна.

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле.
Александр Блок
Кликуши современности постылы.
И мир постыл в стремленье богатеть.
Одна любовь поддерживает силы,
Когда судьбу испытывает плеть.

О доблестях, о подвигах, о славе...
Да что напрасно рваться в старину!
Мы в юности поверили державе,
А к старости – лишь Богу одному.

Извечны, нескончаемы напасти
Земного бытия, обманна новь,
Всё продаётся, множится на части...
Всего одно неповторимо счастье –
Любовь.

ЖЕНЩИНА ХРАНЯЩАЯ ЛЮБОВЬ

На лицо косметику кладёшь,
Подбираешь к цвету глаз косынки.

У годов себя не украдёшь.
Зря ты прячешь добрые морщинки.

Нет вернее немудрёных слов,
Чтобы быть любимой и счастливой:
«Женщина, хранящая любовь,
Никогда не станет некрасивой».

Возраст искажает красоту,
Выражает жизненную долю.
Но за верность и за доброту
Красота спасается любовью.

Нет вернее немудрёных слов,
Чтобы быть любимой и счастливой:
«Женщина, хранящая любовь,
Никогда не станет некрасивой».

Я не доверяю зеркалам.
Разве нам с тобой давно за сорок?
Сердцем понимаю по глазам,
Как спустя года тебе я дорог.

Нет вернее немудрёных слов,
Чтобы быть любимой и счастливой:
«Женщина, хранящая любовь,
Никогда не станет некрасивой».

Россыпь жёлтых огоньков.
Снова одуванчики
Умиляют стариков, -
Радостны, как мальчики.

Вот и майские сады
Окунают ветви
В молодильные котлы,
Старый мир расцветив.

Разве я больной старик?
Вон как смотрит ива
На цветущий счастьем лик,
Шелестит игриво.

Улыбнусь, к груди прижму,
Позабыв все зимы,
Ненаглядную жену –
Мой цветок любимый.

Немного нас, выживших с честью, родная,
В неравной бесправной борьбе,
Кто выстоял, Родину не проклиная,
И верным остался себе.

О чести и совести нет уж дебатов,
И ряской покрыт Интернет.
В империи, созданной для бюрократов,
Ни чести, ни совести нет.

Фанфарный пиар, сериальное мыло...
Что ждёт нас? Не видно ни зги.
С экранов вожди улыбаются мило
И дикторы правят мозги.

А в церкви свечами людские надежды
Стекают под ноги Христу.
Но самый-пресамый, виновный и грешный,
В Кремле зажигает звезду.

И свет ядовитый над бедной Россией –
Как власти земной ореол.
И, словно слетевший с плеча лжемессии,
Клокочет двуглавый орёл.

Но мы ещё живы, родная, мы вместе.
Жить – сложенным вдвое листом.
И крепость для совести, крепость для чести –
Любовь и семейный наш дом.

Как в лес, вхожу я в прошлое своё.
За годы ничего не изменилось.
Жизнь дерзко гроыхнула, как ружьё,
И долгим эхом к звёздам покатилаь.

Пройдёт десяток (может, больше) лет,
И станет лес совсем непроходимым.
Как не хочу я потерять твой след
Туда, где нарекла меня любимым.

Там юность, как упавшая звезда,
Нас одарила магией небесной.
Любовь безгрешна с чистого листа,
Любовь всеильна, если стала песней.

Слова любви мы вместе допоём.
А если нужно, перепишем лучше.
Как на звезде, нам хорошо вдвоём
Жить на земле, не плача о минувшем.

Любовно-приворотный дождь.
Молодушка заря.
Вновь встретить чувством довелось
начало сентября.

Полней корзины загружай.
Ещё я полон сил.
Давно ль тебя, – не урожай,
я на руках носил!

Давно ль в начале сентября
с цветами с дачных клумб
шли в школу наши сыновья...
Давно ль ребячий чуб

спадал на мой школярский лоб,
вихрился сентябрём...

Вчера на улице озноб
сгрёб душу под дождём.

Девчушка, милое дитя,
из школы шла с отцом,
ловила капельки дождя
с зонта открытым ртом.

Я вспомнил прежнего себя.
Игривою водой.
Зачем же я под старость стал
померкнувшей звездой?

Ведь до конца душа как дочь
земного бытия...

Любовно-приворотный дождь.
Молодушка заря.

Мы будем спать до полного рассвета,
пока декабрьская бирюза
времен событий ветхого завета
не разомкнёт нам влажные глаза.

Проснувшись сладко с первородной девой,
как одеяло, я смахну грехи
с больной души, и вновь ты будешь первой,
вошедшей, словно в Библию, в стихи.

И будет самобытно первозданным
наш день, прервав неумолимый бег

земных часов, и будет нам желанным
снег за окошком, допотопный снег.

ФАРФОРОВЫЙ СТАРИК

На лавке перед магазином
Сидит фарфоровый старик.
Он дышит пылью и бензином,
Сгустив молчание в кадык.

Автомобильное движение,
Бег пешеходов, толкотня
Не трогают воображенье,
В дремоту сладкую клоня.

Куётся жизнь, но звукиковки
Ударов сердца не слышней.
Ведёт сознание раскопки
Давно окаменевших дней.

Всё чётче проступают грани
Былого: стан, овал лица...
И в сердце сложенные камни
Крошатся в красные тельца.

И память лепит, как с природы,
Любимый образ... вновь и вновь...
И жжёт фарфоровые скулы
Непреходящая любовь.